

В.С. Груздинская

**ФРАНЦУЗСКАЯ НАУКА ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ:
ИЗ ОПЫТА ЗАГРАНИЧНЫХ КОМАНДИРОВОК 1920–1930-х годов¹**

Аннотация. В статье изучается образ «ученой» Франции, сформированный советскими учеными во время их заграничных командировок в 1920–1930-е годы. В центре внимания оказались поездки нескольких представителей дореволюционной науки, которые остались в Советской России, и были вынуждены адаптироваться к новым условиям. Акцент делается на таких вопросах: как воспринимали французскую науку представители «старой» школы? как менялись (и менялись ли) эти представления под влиянием «внешней» рамки? какие способы выстраивания, сохранения или, напротив, отчуждения связей с французскими коллегами применяли? В статье рассматривается восприятие научной жизни Франции агрохимика Д.Н. Прянишникова, микробиолога Л.А. Тарасевича и историка Е.В. Тарле. Образ «ученой» Франции предстает раздвоенным, многомерным и сложным. На его формирование оказывали влияние и личный опыт ученого, степень его близости с французскими коллегами, интегрированности в научную среду или наоборот оторванности от нее. Однако несмотря на перечисленные факторы советские исследователи отмечали общие черты. Главная из них – серьезные финансовые трудности, которые испытывали французские коллеги. Авторы путевых заметок называют недостатки в оснащении лабораторий и институтов современным оборудованием и необходимыми материалами для исследований, новой литературой, в том числе иностранной, катастрофической нехваткой средств на проведение экспедиций и командировок. Другой объединяющей чертой является чувствительность научных и личных связей с французскими коллегами от внешних политических факторов. Общим маркером официальных отчетов, публичных докладов и опубликованных путевых заметок становится отсутствие упоминаний о русских эмигрантах, которые, как известно, были многочисленны во Франции.

Ключевые слова: научные контакты; заграничные командировки; Россия; Франция; Е.В. Тарле; Д.Н. Прянишников; Л.А. Тарасевич.

1. Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-27.2022.2 «Международная академическая мобильность советских ученых: 1920–1930-е гг.».

Груздинская Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук,
научный сотрудник, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского. Россия, Омск; старший научный сотрудник,
Архив Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: vik11910314@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9533-9861
Web of Science researcher ID: B-7752-2019
Scopus AuthorID: 57219342307

***Gruzdinskaya V.S.* French science through the eyes of Soviet scientists:
the experience of business trips abroad in the 1920–1930s**

Abstract. *The article examines the image of the «scientific» France formed by Soviet scientists during their business trips abroad in the 1920–1930s. The focus was on the trips of several representatives of pre-revolutionary science who remained in Soviet Russia and were forced to adapt to new conditions. The emphasis is on such questions: how did the representatives of the «old» school perceive French science? How (and whether) did these ideas change under the influence of the «external» frame? What methods of building, maintaining or, on the contrary, alienating ties with French colleagues were used? The article deals with the perception of the scientific life of France by the agrochemist D.N. Pryanishnikov, microbiologist L.A. Tarasevich and historian E.V. Tarle. The image of the «scientific» France is contradictory, multidimensional, and complex. Its formation was also influenced by the personal experience of the scientists, the degree of their closeness with their French colleagues, integration into the scientific environment or, conversely, isolation from it. However, despite these factors, Soviet researchers noted common features. The main one is the serious financial difficulties experienced by the French colleagues. The authors of the travel notes mention the shortcomings in equipping laboratories and institutes with modern equipment and the necessary materials for research, new literature, including foreign literature, a catastrophic lack of funds for expeditions and business trips. Another common feature is the sensitivity of scientific and personal ties with French colleagues to external political factors. A common marker of official reports, public reports, and published travel notes is the absence of mention of Russian emigrants, who, as is known, were numerous in France.*

Keywords: *scientific contacts; business trips abroad; Russia; France; E.V. Tarle; D.N. Pryanishnikov; L.A. Tarasevich.*

Gruzdinskaya Victoria Sergeevna – Candidate of Historical Sciences,
Research Fellow, Omsk State University. F.M. Dostoevsky. Russia, Omsk;
Senior Researcher, Archive of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: vik11910314@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9533-9861
Web of Science researcher ID: B-7752-2019
Scopus AuthorID: 57219342307

Влияние французских интеллектуалов на российскую научную и культурную жизнь было очевидным начиная с XVIII в. Хрестоматийными примерами французского «следа» в русской культуре служат не просто переписка императрицы Екатерины Второй с философами-просветителями, но заказ одному из них – Вольтеру – написать первую научную историю Петра Великого [Мезин, Ковалев 2022]. Вплоть до середины XIX в. французская наука сохраняла лидирующее место в европейской семье, правда, постепенно уступая «пальму первенства» Германии. Промышленный переворот и стремительное развитие рынка меняли положение науки: для нее требовались большие финансовые и материальные вложения – в первую очередь на развитие инфраструктуры. Этим ни российское, ни французское правительства похвастаться не могли [Любина 1996]. И все же в ряде областей научного знания авторитет французских исследователей был незыблем, в частности к таковым относились микробиология, физика, математика, востоковедение.

Социальные потрясения, вызванные Первой мировой войной, революциями и распадом крупнейших империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской), казалось, должны были кардинально переключить и «карту» европейской науки [Детлова, Ковалев, Кузьминых, Наглер 2020]. Отчасти это и произошло. В межвоенный период наметилось невиданное до того сближение советских и немецких ученых, инициированное и поддерживаемое правительствами обеих стран. Объединяющим фактором, как считают современные авторы, стало положение «изгоев» Советской России и Веймарской Германии на мировой арене после окончания Второй мировой войны и установления Версальско-Вашингтонской системы [Советско-германские научные связи 2001]. Что касается Франции, то она признала Советский Союз в конце 1924 г., но сам факт отнюдь не означал мгновенного «потепления» отношений между странами. «Мостики» взаимовыгодного сотрудничества возводились долго и разными способами, в том числе и с помощью науки.

В обозначенный период научные контакты советских ученых с французскими коллегами развиваются в двух направлениях. Они отражают (со)существование двух традиций в отечественной науке 1920 – начале 1930-х годов: «новой» (марксистской) и «старой» (дореволюционной «буржуазной»). Молодая советская наука обрела связи с зарубежными учеными и институтами, командировала своих представителей как для исследовательской работы, так и для презентации своих достижений. Так, созданная в первые годы советской власти библиотека Коммунистической академии поддерживала контакты с французскими учреждениями относительно возможностей взаимного книгообмена. Другим примером служит командировка в 1925 г. молодого марксистского историка, вчерашней выпускницы Института красной профессуры Анны Михайловны Панкратовой во Францию для работы над книгой «Левое крыло Амстердамского Интернационала и борьба за единство

мирового профдвижения». О необходимости своей командировки в Париж она писала так: «Тема моя граничит с современностью, ни одной сводной работы нигде нет, и мне приходится преодолевать такие трудности отыскания фактов и материалов, каких не знают другие товарищи» [Бадя 2000]. Исследовательнице пришлось сократить программу своего пребывания, так как она получила отзыв домой. Правда, ей все же удалось собрать источники, которые легли в основу нескольких статей.

Модели выстраивания международных связей новыми советскими научными центрами и молодыми учеными – тема, бесспорно, интересная и заслуживающая отдельного исследования. Однако в рамках настоящей статьи внимание будет сосредоточено на нескольких представителях дореволюционной науки, которые остались в Советской России и были вынуждены адаптироваться к новым условиям. Акцент будет сделан на следующих вопросах: как воспринимали французскую науку представители «старой» школы? как менялись (и менялись ли) эти представления под влиянием «внешней» рамки? какие способы выстраивания, сохранения или, напротив, отчуждения связей с французскими коллегами применяли?

«Две Франции» академика Д.Н. Прянишникова

Дмитрий Николаевич родился в сибирском городке Кяхта в семье разночинцев в 1865 г. После смерти в 1868 г. отца вместе с матерью перебрался в Иркутск, где получил гимназическое образование. В 1883 г. поступил в Московский университет, который окончил в 1887 г. и был рекомендован к оставлению при кафедре химии для приготовления к профессорскому званию. Однако молодой ученый отказался от такого заманчивого предложения и продолжил свое обучение в Петровской сельскохозяйственной академии. Спустя много лет Д.Н. Прянишников так объяснил свой поступок: «У меня сложилось решение после университета поступить на два года в Петровскую академию; здесь играло роль то обстоятельство, что в агрономической науке естествознание и обществознание синтезируются в стремлении к единой цели» [Добровольский, Минеев, Лебедева 1991]. В 1892 г. после сдачи магистерских экзаменов ученый получил от академии двухгодичную командировку в Европу. Во Франции он провел ряд экспериментов под руководством директора Пастеровского института П. Дюкло, посетил крупнейшие агрохимические лаборатории, возглавляемые Т. Шлезингом, П. Деэреном и др. В эту поездку ученого особо интересовали наработки иностранных коллег в области превращения белковых веществ в растениях. После возвращения из командировки Д.Н. Прянишников защитил диссертацию и приступил к чтению курса «Учение об удобрении» во вновь созданном Московском сельскохозяйственном институте. Ученый совмещал активную исследовательскую

работу с преподаванием курсов по агрохимии в нескольких учебных заведениях Москвы. В советские годы он продолжил активную деятельность по развитию отечественной агрохимии: им были созданы специальные кафедры в Московском государственном университете, Сельскохозяйственной академии. Продолжил ученый свои исследования в области питания растений разными видами удобрений.

В межвоенный период Д.Н. Прянишников дважды побывал во Франции – в 1923 и 1933 гг. Как позже он вспоминал, обе поездки «пришлись на два периода, контрастирующих по характеру отношений Франции (или вернее, французского правительства) к Советскому Союзу – за промежуток между ними произошел поворот на 180° от враждебных отношений к дружественным, а в Германии – такой же поворот, но в обратном порядке» [Две поездки, л. 2].

Первый визит пришелся на 1923 г., когда химик получил приглашение на Международный конгресс по земледелию. Поездка сопровождалась организационными трудностями, связанными с получением визы. Поскольку дипломатические отношения между странами начнут восстанавливаться только после 1924 г., и то, заметим, этот процесс не будет быстрым, то зачастую визу советские специалисты получали во французском консульстве в Берлине. Именно так и поступил Д.Н. Прянишников. Правда, сложности этим не ограничились. Несмотря на официальное приглашение на конгресс, французский консул отказался выдать визу, потребовав дополнительное письменное обращение в Министерство иностранных дел от профессоров из Парижа [там же]. Д.Н. Прянишников написал профессору Эмилю Шрибо, с которым был лично знаком со времен стажировки во Франции в конце XIX в. По невыясненным причинам советский химик не получил ответного письма. В итоге ожидание визы Д.Н. Прянишниковым продлилось около месяца. Когда долгожданная виза им была получена, конгресс давно завершил свою работу. От поездки ученый решил не отказываться и поехал «просто, чтобы понаблюдать экономику страны-победительницы, после того, как близко видел кризис побежденной Германии» [там же].

В Париже Д.Н. Прянишников остановился в небольшом отеле в Латинском квартале близ Люксембургского музея. Бросилась ему в глаза надпись на каменной ограде здания музея: «Здесь упало ядро немецкой пушки “Берта”» [там же]. В воспоминаниях о поездке ученого остались зарисовки будничной жизни Парижа и его жителей. Д.Н. Прянишников подчеркнул, что горожане стали проще одеваться. Так, цилиндры, прежде обязательные, почти исчезли и заменились мягкими шляпами, меньше стало нарядных и крашенных дам. Также он заметил рост численности темнокожих «французов» – выходцев из Французской Африки. К слову, именно в это время происходил перелом восприятия во французском обществе выходцев из колоний, многие из которых сражались на фронтах Первой мировой войны, а затем осели

в метрополии [Мирзаханов 2008]. Удивило ученого большое количество американских туристов, которым, как он полагал, путешествие стоило не очень дорого ввиду тогдашней небывалой дешевизны жизни (для них) в Париже.

Плохое состояние государственных финансов и тяготы экономических проблем Д.Н. Прянишников заметил даже в недорогих ресторанах и столовых. Сами французы, по его словам, говорили: «Бедное правительство в богатой стране», «Франция убита победой» [Две поездки, л. 6]. Д.Н. Прянишников проводил параллели между Парижем и Берлином. Надо сказать, наблюдения не в пользу немецкой столицы. Так, на парижских улицах, в отличие от берлинских, не было видно просящих милостыню инвалидов. Поразила ученого и жизнерадостность французов, несмотря на тяжесть послевоенного быта. «Но нужно отдать честь парижанам, – пишет Д.Н. Прянишников, – после угрюмого Берлина, особенно ценишь их приветливость и непринужденность, их умение значительную часть улицы превратить в какое-то подобие гостиной, где за столиками перед кафе по вечерам парижане умеют отдохнуть точно у себя дома. Интересно было наблюдать Париж в годовщину взятия Бастилии 14 июня, когда устраивается трехдневное (а вернее, трехночное) празднество» [там же, л. 4].

Наука во Франции страдала от недостатка средств. Д.Н. Прянишников порастил нетривиальный подход французов к разрешению этих проблем. Так, для поддержки издания научной литературы придумали аттракцион – бой известных боксеров – негра Сикки и француза Шарпантье. По этому случаю в газетах появилась карикатура: негр-богатырь хлопает по плечу щедушного старого профессора и говорит: «Ну, что ж, братец, будем вместе работать на пользу общей родины Франции» [там же, л. 6]. Таким образом, организаторы рассчитывали собрать 25 тыс. франков. Однако в последний момент темнокожий боксер отказался выступить в пользу французской науки.

Ввиду своей исследовательской специализации Д.Н. Прянишников интересовали прежде всего сельскохозяйственные институты и опытные станции. Он посещал как правительственные, так и частные структуры. Последние, по его мнению, не только были лучше оборудованы, но и доброжелательнее относились к советскому ученому. В частности, в Департаменте земледелия ему отказали в ознакомлении с печатными отчетами по сельскохозяйственному образованию и в возможности посетить сельскохозяйственные школы. От него потребовали письмо-разрешение от французского министра, которое получить не представлялось возможным. В завершении разговора клерк из Департамента, вспомнив отказ Советского правительства платить по счетам Российской империи, добавил: «Вы не платите долгов, а это по-нашему – воровство, поэтому мы не можем с вами разговаривать» [там же, л. 8].

При решении рабочих вопросов Д.Н. Прянишников обращался к личным знакомствам. Он не оставил идею изучить, как организовано сельскохозяйст-

венное образование во Франции и потому предпринял попытку посетить Гриньонскую школу около Парижа. О визите договорился с директором. Однако личная встреча разочаровала советского ученого: «Прихожу к директору – встречает меня, насупившись (кажется, я прервал его отдых после завтрака), говорит, что все профессора заняты на экзаменах, он ничего сделать не может» [Две поездки, л. 9]. На просьбу показать хозяйство Д.Н. Прянишников получил ответ, что его некому сопроводить и потому могут показать только квартиры учеников. В конце концов, нашли сопровождающего, который оказался далеким от политики человеком и он провел его по школе.

Первая мировая война, Русская революция 1917 г. разорвала не только дипломатические отношения между странами, сказалась она негативным образом и на личных отношениях. Д.Н. Прянишников с досадой вспоминает визит к своему давнему приятелю, редактору французского сельскохозяйственного журнала Анри Санье. Встреча прошла следующим образом: «Санье встретил меня стоя, с сигаретой в зубах, едва протянул два пальца и повторил опять тот же тезис насчет воровства» [там же, л. 10].

Несмотря на явные неудачи и неожиданные разочарования поездку Д.Н. Прянишникова в советских околоправительственных кругах оценивали положительно. Так, он встретился с М.И. Скобелевым, представителем парижского отделения советской компании «Аркос», занимавшейся торговлей сельскохозяйственной продукцией между СССР, Великобританией, позднее – Францией. М.И. Скобелев говорил, что приезд Д.Н. Прянишникова разрушает миф о том, что в Советском Союзе не осталось ученых «старой» школы: «Здесь все думают, что все прежние профессора погибли во время революции и умерли с голоду после нее, и вдруг появляется пожилой профессор² <...>, который не только не имеет истощенного вида, а еще привез научный материал и рассказывает о широких планах электрификации, о крупных работах в области изучения залежей фосфоритов, о том, что высшая школа полна учащимися, как никогда и что число высших школ сильно возросло, тогда как во Франции мало что изменилось, кроме того, что финансы пришли в негодное состояние» [там же, л. 8–9].

Следующий визит во Францию Д.Н. Прянишникова состоялся через десять лет – в 1933 г. Эта поездка совершалась уже в принципиально ином геополитическом контексте. С 1932 г. наметилось потепление в советско-французских отношениях, сказалось это и на развитии научных контактов [Мазюш-Крокетт 2002]. Летом 1932 г. Советский Союз посетил физик Ж. Трийа. Им были прочитаны лекции о рентгеновских лучах. В 1933 г. на

2. В 1923 г. Д.Н. Прянишникову было 58 лет.

всесоюзную конференцию по физике атомного ядра в Москву прибыли П. Дирак, Ф. и И. Жолио-Кюри. В 1934 г. в СССР прошла «французская научная декада», на которую также приехали видные французские ученые.

Поводом к поездке во Францию послужила встреча Д.Н. Прянишникова с французскими коллегами. Они рассказали ему о том, что во Франции приступили к производству азотистых удобрений. В Советском Союзе этот вопрос вызывал серьезные споры среди ученых, потому Д.Н. Прянишников отправился изучать опыт французских коллег. На этот раз проблем с визой не возникло. Добирался до Парижа ученый также через Берлин, где, как он вспоминал, провел «10 очень неприятных дней в беготне за разными формальностями», в том числе испытал серьезные трудности в приобретении французских франков [Поездка, л. 4]. Возможно, данные сложности были вызваны возросшей миграцией из Германии вследствие политики НСДАП. Так, Д.Н. Прянишников зафиксировал еще одну интересную деталь, характеризующую «дух времени»: «Характерно, что поезд в Париж был переполнен пассажирами (а потом, на обратном пути, я был почти в пустом вагоне). Повидимому, это было отражением общего явления, что с пришествием Гитлера равновесие между въездом и выездом нарушилось – уезжающих из Германии в этом году было больше, чем въезжающих» [там же, л. 4–5].

Во Франции Д.Н. Прянишникова встречали тепло и радушно. Благодаря договоренностям агрохимика А. Демолона он смог посетить один из новых заводов по производству азотных удобрений близ Руана. О доброжелательном отношении свидетельствует тот факт, что на станции Руана Д.Н. Прянишникова встречал директор завода господин Массне. Как выяснилось из разговора, он приходился племянником известному французскому композитору Ж. Массне. Директор лично провел советского ученого по заводу. Между ними завязалась оживленная беседа, французский коллега с нескрываемым интересом расспрашивал о жизни в Советском Союзе. Несмотря на то, что экскурсия длилась всего полтора часа, Д.Н. Прянишников остался доволен. Также в Руане он посетил местную агрономическую станцию, о которой оставил впечатление как о «скромном учреждении» с ограниченным бюджетом [там же, л. 5]. Ожидать научных открытий от этой станции, по мнению Д.Н. Прянишникова, не стоило, так как, ввиду недостатка финансирования, ее сотрудники сконцентрированы на выполнении коммерческой работы (контроль удобрений, семян, анализ почв и др.).

Ученый посетил и другие заводы, в частности крупнейшее предприятие азотной промышленности, расположенное недалеко от города Арраса. После осмотра завода Д.Н. Прянишникова пригласили на завтрак. Любопытно, что когда он вошел в заводскую столовую, из патефона зазвучал «Интернационал», «словно подчеркивая всю разницу условий посещения 1933 года от 1923 года» [там же, л.10].

На несколько дней из Парижа ученый выехал в город Мюлуз, в немецко-французское пограничье Эльзаса, для осмотра рудников и заводов по переработке калийных солей. Приглашение Д.Н. Прянишников получил лично от директора научной службы, с которым познакомился на Международном конгрессе почвоведов в Москве в 1930 г. Советский ученый отметил, что на рудниках работают в основном иностранцы, особенно много среди них поляков.

В воспоминаниях ученого ничего не говорится о русских эмигрантах, которых немало осело во Франции. Хотя известно, по крайней мере, об одной встрече. В одном из писем химик, профессор Парижского университета М.Н. Гайсинский сообщал Н.И. Вавилову, что виделся с Д.Н. Прянишниковым [Николай Иванович Вавилов: научное наследие 2000].

Как и в предыдущее десятилетие, французские ученые страдали от недостаточного финансирования. При этом Д.Н. Прянишников поразили контраст между скудным содержанием науки и благосостоянием общества в целом: «...Бюджет научных учреждений Франции был очень скуден и в 1933 году, а между тем жизнь Парижа доказывает наличие громадного количества средств у значительной части его жителей: сколько потребляется населением Парижа мяса и вина за два приема в день (завтрак и обед) в обычном обиходе, не говоря о ресторанах разных рангов, открытых до поздней ночи, сколько театров со всеми переходами к варьете, кабаре и мюзик-холлам, кино, часто залитых водопадами света, и чуть не на каждом шагу кафе; казалось бы, что при этом могло бы найтись больше средств на научные учреждения» [Прянишников 1961].

Е.В. Тарле: 10 лет спустя

Как и Д.Н. Прянишников, историк Евгений Викторович Тарле был тесно связан с ученой Францией, поскольку его научные интересы лежали в области изучения Французской революции. Его первая поездка состоялась в 1903 г., и до 1914 г. он практически ежегодно выезжал во Францию для научных занятий. Следующий выезд произошел спустя десять лет. О своем «возвращении» Е.В. Тарле оставил заметку: «Когда в летнее утро 1924 г. я впервые после 10 лет вошел в зал Дворца Субизов, где помещается Национальный архив, и сел за свой “стол”, то мне показалось в первый момент, будто потрясения, связанные с мировой войной, не коснулись этой обители. В самом деле: в ящике я нашел свой карандаш. Резинку и бумажку с номерками, сделанными в 1914 году моею рукой; все это имело такой вид, будто я только вчера сидел за этим столом» [Тарле 1927].

Е.В. Тарле, как и его советский коллега-химик, обратил внимание на тяжелое финансовое положение французских ученых. Его старшие друзья-

историки, с которыми он был знаком еще с довоенных лет, вынуждены были отказаться от исследовательской работы и трудиться в областях, от науки далеких. Один из его знакомых даже устроился в счетный отдел мануфактуры. При этом ученым запрещалось совмещать исследовательский труд с другой работой. Е.В. Тарле заключал: «Встретить архивиста или профессора в сколько-нибудь хорошем (даже не первоклассном) ресторане, где обед стоит на наши деньги 1½–2 рубля, почти невыносимо» [Тарле 1927]. В связи со стесненными финансовыми условиями изменился и досуг ученых: поход в театр превратился в событие, о котором долго вспоминают, провести летние каникулы на даче могут редкие счастливицы, остальным приходится довольствоваться выездом на несколько дней за город.

Отметил советский ученый и грустный облик французских студентов, которые вынуждены совмещать учебу и работу, чтобы как-то прожить. Е.В. Тарле сравнивает современных и довоенных студентов: «Современный студент уже не прежний беззаботный “*fil de famille*”, получающий обеспечивающую его ренту от отца и живущий утром для лекций, а вечером для удовольствий. Теперь он должен в большинстве случаев думать невеселую думу о добывании средств для существования... Студентов видишь только утром около Сорбонны и в самой Сорбонне: серьезные, озабоченные, бледные лица, торопливая походка, деловая суета в коридорах...» [там же].

Е.В. Тарле отмечал, что, несмотря на существенные неблагоприятные условия, научная жизнь в Париже кипела: «Энергично и уверенно продолжает работать французская научная мысль, даже в области гуманитарных знаний, наиболее, конечно, заброшенных и пренебрегаемых в наше время безраздельного торжества науки и техники» [там же]. При этом Е.В. Тарле замечал замыкание французской науки в национальных границах, прежде всего по причине недоступности зарубежных поездок даже в соседние страны. Подчеркнул ученый и интерес к достижениям русской и советской науки, который был, впрочем, неравномерен. Внимание привлекала философия, индология, санскритология, византистика. Среди трудов историков интересовали лишь те исследования, которые посвящены французской истории. Исключения составляли труды В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. В ноябре 1926 г. в ученых кругах велись разговоры об издании франкоязычной версии работ данных историков.

В 1926 г. был создан Французский комитет по научным связям с СССР, как его кратко называла Комитет сближения [Ржеуцкий 2010]. Институцию возглавил физик П. Ланжевэн, его заместителем стал востоковед С. Леви, а секретарем – филолог-славист А. Мазон. Комитет сотрудничал с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКСом). Данные учреждения организовывали обмен литературой, стажировки ученых и др. Е.В. Тарле отметил заинтересованность французского правительства в налаживании

двусторонних контактов. Так он вспоминал, как видел на банкете в октябре 1926 г., устроенном по случаю пребывания в Париже некоторых русских ученых, военного министра П. Пенлеве. Надо сказать, что сам Е.В. Тарле активно помогал в наведении мостов сотрудничества между советской и французской наукой. В письме от 11 ноября 1924 г. к своей супруге О.Г. Тарле он сообщал: «17-го Camille Bloch меня приглашает посетить музей и библиотеку dr. Guette (в Венсенском замке) и будет готова их бумага к нашему советскому комиссариату Народ[ного] Просв[ещения] и к Центрахиву с просьбой об обмене изданиями. Я повезу обе бумаги в Россию. Это предложение очень выгодное для нас: у них масса интересных изданий, кот[орые] мы получим даром или почти даром» [Письмо, л. 2 об].

Е.В. Тарле бывал во Франции каждый год вплоть до 1930 г. Его поездки были насыщенными в научном плане. Французские коллеги признавали его заслуги: он был избран членом Общества истории Французской революции, Общества новой истории, Общества истории Великой войны [Каганович 2006].

Пастеровский институт глазами советского биолога Л.А. Тарасевича

После окончания Новороссийского университета в 1891 г. Лев Александрович Тарасевич учился на медицинском факультете Парижского университета. В Пастеровском институте в 1897 г. под руководством И.И. Мечникова он защитил диссертацию. С этого времени Институт Луи Пастера стал неотъемлемой частью научной биографии Л.А. Тарасевича.

В советские годы он несколько раз посетил Францию. Первый его выезд был приурочен к празднованию 100-летнего юбилея Л. Пастера в 1923 г. [Колотилова 2013]. К этому времени Л.А. Тарасевич занимал высокий пост: он возглавлял Государственный институт народного здравоохранения им. Л. Пастера. Среди прочего важной задачей этого учреждения стала разработка системы вакцинации и прививок и контроль за ее качеством. Как и Д.Н. Прянишников, Л.А. Тарасевич отметил проблему с визами. Он указал, что этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Комитета сближения с Россией, в котором участвовали выдающиеся ученые: П. Ланжевен, А. Мазон, Ж. Пэйо и др.

В 1926 г. он провел чуть более трех месяцев в командировке во Франции, посетив также французские колонии в Африке. В Париже он много времени проводил в Институте Пастера, оставил о нем теплые воспоминания: «Пастеровский институт в течение всего времени, что я его знаю, т.е. в течение почти 30 лет, по существу мало изменился. Старый пастеровский дух остается в нем и останется до тех пор, пока жив его носитель – доктор Ру, который умеет хранить лучшие научные традиции» [Тарасевич 1926]. Также он отме-

чал уникальность данного учреждения: «Я не хочу сказать, что Пастеровский институт в смысле оборудования и богатства устройства превосходит все прочие институты; он даже уступает некоторым в этом отношении, но в нем есть такие свои особенности, которые являются единственными и которых никогда не забудет тот, кто имел счастье в своей жизни работать в нем и близко соприкоснуться с его жизнью» [Тарасевич 1926].

Л.А. Тарасевича всегда волновал вопрос, как организован институт. В ходе нескольких длительных бесед с доктором Ру удалось кое-что прояснить: «Принцип этот сравнительно прост – свобода и анархия внизу и непреерекаемый авторитет наверху; когда нужно согласование в каком-либо вопросе, то директор является единственной и непреерекаемой инстанцией <...> В институте осуществлена между сотрудниками такая дружная деловая связь, какой нигде в другом месте мне наблюдать не приходилось. Мало того, что учреждение это представляет из себя научный институт, оно представляет своего рода и дружную семью, связанную прочными, неразрывными узами. Тот, кто был счастлив попасть в эту семью, сжитья с ней, тот неизбежно должен был полюбить ее. Тот, кому дан эпитет “старый верный пастеровец”, знает цену этого звания» [там же].

Пожалуй, единственным недостатком института было жалование, которое получили сотрудники. Послевоенный кризис лишь усугубил ситуацию. В воспоминаниях Л.А. Тарасевича зафиксирован случай, когда он обнаружил заведующего одной из лабораторий Пастеровского института убиравшим помещение. Оказалось, что он занимает выделенные в штате полставки уборщика. Вопреки материальным трудностям сотрудники Института продолжали активно работать. Л.А. Тарасевич восхищается эффективностью исследовательского труда. В качестве примера он привел разработки вакцины для профилактики туберкулеза А. Кальметом и способов лечения опухолей радием К. Рего. Интересными ему показались исследования биолога русского происхождения А.М. Безредка по вопросам местного иммунитета и лечения заболевания посредством прививок через рот.

Повседневную жизнь французского общества он описал как спокойную, без волнений, правда, ее омрачает падение курса франка. Л.А. Тарасевич не без иронии писал: «Парижане хотят жить как можно полнее, не неся никаких жертв, но ясно, что жертвы нужны и притом крупные... и Франции придется на них пойти» [там же].

Во французскую Африку он отправился для изучения опыта организации научных учреждений на местах, так как в это же самое время в СССР подобные институты создаются на окраинах, с нуля, например в Киргизской ССР. В Пастеровском институте в Тунисе и в Алжире Л.А. Тарасевич также делал доклады о русских врачах, развитии медицины в дореволюционной России и СССР.

Вывод

Подводя итог сказанному, отметим, что образ «ученой» Франции предстает раздвоенным, многомерным и сложным. На его формирование оказывали влияние и личный опыт ученого, степень его близости с французскими коллегами, интегрированности в научную среду или наоборот оторванности от нее. Однако, несмотря на перечисленные факторы, советские исследователи отмечали общие черты. Главная из них – серьезные финансовые трудности, которые испытывали французские коллеги. Авторы путевых заметок называют недостатки в оснащении лабораторий и институтов современным оборудованием и необходимыми материалами для исследований, новой литературой, в том числе иностранной, катастрофической нехваткой средств на проведение экспедиций и командировок. Парадоксальность ситуации состояла в том, что несмотря на финансовые трудности во французских лабораториях делались великие открытия. Другой объединяющей чертой является чувствительность научных и личных связей с французскими коллегами от внешних политических факторов. Эта изменчивая динамика прослеживается во всех использованных источниках. Также общим маркером официальных отчетов, публичных докладов и опубликованных путевых заметок становится отсутствие упоминаний о русских эмигрантах, которые, как известно, были многочисленны во Франции. В то же время следует принять во внимание, что сложность упоминаний в официальном нарративе была сопряжена с тем, что положительно отзываться о них они не могли, а негативно – не хотели. Известно немало примеров контактов между советскими учеными и их эмигрировавшими друзьями и коллегами [Каганович 2006; Тункина 2016; Груздинская 2023].

Библиография

- Бадя Л.В. Этапы творческого пути // Историк и время. Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во Росийского ун-та дружбы народов, 2000. С. 10–20.
- Груздинская В.С. «Скоро будет три месяца, как я оставил берега Невы...». Письма А.А. Васильева академику С.Ф. Платонову из заграничной командировки. 1925–1928 гг. // Исторический архив. 2023. № 2. С. 3–16.
- Две поездки во Францию // Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 632. Оп.1. Д. 188.
- Детлова Е.В., Ковалев М.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О. Распад Империй и судьбы европейской археологии: размышления о конференции в Госларе // Российская археология. 2020. № 1. С. 188–191.
- Добровольский Г.В., Минеев В.Л., Лебедева Л.А. Дмитрий Николаевич Прянишников. М.: Изд-во МГУ, 1991. 49 с.
- Евгений Викторович Тарле: историк и время. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. 357 с.
- Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб.: Изд-во «Левша. Санкт-Петербург» 2006. 248 с.

Колотилова Н.Н. Из истории научных связей с Францией в области микробиологии (1920–1930-е гг.) // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 191–221.

Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М.: ТОО «Янус», 1996. 263 с.

Мазюш-Крокетт Р. Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII–XX вв.). История науки и международные связи. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 160–167.

Мезин С.А., Ковалев М.В. Вольтер – историк России // Вольтер История Российской империи при Петре Великом. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 3–105.

Мирзеханов В.С. Туземцы умирают за республику: символический перелом восприятия французами солдат из колоний в годы Первой мировой войны // Новая и Новейшая история: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 23. Саратов: Изд-во СГУ, 2008. С. 152–159.

Николай Иванович Вавилов: Научное наследие в письмах: международная переписка. Т. III. 1931–1933. М.: Наука, 2000. 588 с.

Поездка во Францию // Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 632. Оп. 1. Д. 189.

Письмо Е.В. Тарле О.Г. Тарле от 14.11.1924 // АРАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 146. Л. 2 об.

Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1961. 321 с.

Ржеуцкий В.С. Андре Мазон, ВОКС и советско-французское научное сотрудничество (до Второй мировой войны) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 293–300.

Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб., М.: Наука, 2001. 366 с.

Тарасевич Л.А. Из заграничных впечатлений // Научный работник. 1926. № 4. С. 66–79.

Тарле Е.В. Во Франции (беглые впечатления) // Научный работник. 1927. № 7–8. С. 54–60.

Тункина И.В. М.И. Максимова: парижские письма М.И. Ростовцеву (август 1928 г.) // Записки Института материальной культуры. 2016. № 14. С. 24–33.

References

Badya L.V. Etapy tvorcheskogo puti [Stages of the creative path]. Historian and time. Istorik i vremya. Istorik i vremya. 20–50-e gody XX veka. A.M. Pankratova. [Historian and time. 20–50s of the XX century. A.M. Pankratov]. Moscow: Publishing House of the Russian University of Friendship of Peoples. 2000. P. 10–20. (In Russ.)

Gruzdinskaya V.S. «Skoro budet tri mesyaca, kak ya ostavil berega Nevy...». Pis'ma A.A. Vasil'eva akademiku S.F. Platonovu iz zagranichnoj komandirovki. 1925–1928 gg. [«Soon it will be three months since I left the banks of the Neva ...». Letters to A.A. Vasiliev Academician S.F. Platonov from a business trip abroad. 1925–1928]. Istoricheskij arhiv [Historical archive]. 2023. N 2. P. 3–16.

Dve poezdki vo Franciyu [Two trips to France]. Archive of the Russian Academy of Sciences [ARAN]. F. 632. Inv.1. F. 188. (In Russ.)

Detlova E.V., Kovalev M.V., Kuz'minyh S.V., Nagler A.O. Raspad Imperij i sud'by evropejskoj arheologii: razmyshleniya o konferencii v Goslare [The collapse of empires and the fate of European archeology: reflections on the conference in Goslar] Rossijskaya arheologiya [Russian archeology]. 2020. N 1. P. 188–191. (In Russ.)

Dobrovol'skij G.V., Mineev V.L., Lebedeva L.A. Dmitrij Nikolaevich Pryanishnikov [Dmitry Nikolaevich Pryanishnikov]. Moscow: Izd-vo MGU. 1991. 49 p. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Evgenij Viktorovich Tarle: istorik i vremya [Evgeny Viktorovich Tarle: historian and time]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2014. 357 p. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Sergej Fedorovich Ol'denburg: opyt biografii [Sergei Fedorovich Oldenburg: the experience of a biography]. St. Petersburg: Izd-vo «Levsha. Sankt-Peterburg». 2006. 248 p. (In Russ.)

Kolotilova N.N. Iz istorii nauchnyh svyazej s Franciej v oblasti mikrobiologii (1920–1930-e gg.) [From the history of scientific relations with France in the field of microbiology (1920s–1930s)]. Francuzy v nauchnoj i intellektual'noj zhizni SSSR v HKH veke [The French in the scientific and intellectual life of the USSR in the twentieth century]. Moscow: IVI RAN. 2013. P. 191–221. (In Russ.)

Lyubina G.I. Rossiya i Franciya. Istoriya nauchnogo sotrudnichestva [Russia and France. History of scientific cooperation] Moscow: «Yanus», 1996. 263 p. (In Russ.)

Mazyush-Krokett R. Otnosheniya mezhdru Rossiej i Franciej v evropejskom kontekste (v XVII–XX vv.) [Relations between Russia and France in the European context (in the 17th–20th centuries)]. Istoriya nauki i mezhdunarodnye svyazi [History of science and international relations]. Moscow: INION RAN. 2002. P. 160–167. (In Russ.)

Mezin S.A., Kovalev M.V. Vol'ter – istorik Rossii [Voltaire – a historian of Russia]. Vol'ter Istoriya Rossijskoj imperii pri Petre Velikom [Voltaire History of the Russian Empire under Peter the Great]. St. Petersburg: Nestor-History. 2022. P. 3–105. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Tuzemcy umirayut za respubliku: simvolicheskij perelom vospriyatiya francuzami soldat iz kolonij v gody Pervoj mirovoj vojny [Natives die for the republic: a symbolic turning point in the French perception of soldiers from the colonies during the First World War]. Novaya i Novejshaya istoriya: mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov [Modern and Contemporary History: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Vol. 23. Saratov: Izd-vo SGU. 2008. P. 152–159. (In Russ.)

Nikolaj Ivanovich Vavilov: Nauchnoe nasledie v pis'mah: mezhdunarodnaya perepiska [Nikolai Ivanovich Vavilov: Scientific heritage in letters: international correspondence]. Vol. III. 1931–1933. Moscow: Nauka. 2000. 588 p. (In Russ.)

Pis'mo E.V. Tarle O.G. Tarle ot 14.11.1924 [Letter to E.V. Tarle O.G. Tarle dated 11.14.1924]. Archive of the Russian Academy of Sciences [ARAN]. F. 627. Inv. 4. F. 146. (In Russ.)

Poezdka vo Franciyu [Trip to France]. Archive of the Russian Academy of Sciences [ARAN]. F. 632. Inv. 1. F. 189. (In Russ.)

Pryanishnikov D.N. Moi vospominaniya [My memories]. Moscow: Sel'hozgiz. 1961. 321 p. (In Russ.)

Rzheuckij V.S. Andre Mazon, VOKS i sovetsko-francuzskoe nauchnoe sotrudnichestvo (do Vtoroj mirovoj vojny) [Andre Mazon, VOKS and Soviet-French scientific cooperation (before World War II)]. Francuzy v nauchnoj i intellektual'noj zhizni Rossii XVIII–XX vv. [The French in the scientific and intellectual life of Russia in the 18th – 20th centuries] Moscow: OLMA Media Grupp. 2010. P. 293–300. (In Russ.)

Sovetsko-germanskie nauchnye svyazi vremeni Vejmarskoj respubliki [Soviet-German scientific relations during the time of the Weimar Republic]. St. Petersburg, Moscow: Nauka. 2001. 366 p. (In Russ.)

Tarasevich L.A. Iz zagranichnyh vpechatlenij [From foreign impressions]. Nauchnyj rabotnik [Scientific worker]. 1926. N 4. P. 66–79. (In Russ.)

Tarle E.V. Vo Francii (beglye vpechatleniya) [In France (fluent impressions)]. Nauchnyj rabotnik [Scientific worker]. 1927. N 7–8. P. 54–60. (In Russ.)

Tunkina I.V. M.I. Maksimova: parizhskie pis'ma M.I. Rostovcevu (avgust 1928 g.) [M.I. Maksimova: Parisian letters of M.I. Rostovtsev (August 1928)]. Zapiski Instituta material'noj kul'tury [Notes of the Institute of Material Culture]. 2016. N 14. P. 24–33. (In Russ.)